

Этой же ночью множество теневых стражей отправились исследовать отмеченные на горе Феникс места. Лун Сяююань и Ши Цинчжоу после прогулки по городу вернулись на постоянный двор, и первую половину ночи предавались весенним играм да радости от первой удачной аферы.

Вторую половину ночи Лун Сяююань крепко спал в обнимку со своей императрицей, чувствуя, что все больше и больше влюбляется в этого человека.

На следующий день, на рассвете супруги почти одновременно проснулись, но не спешили подниматься с постели. Лун Сяююань, приподнявшись на локте, долго вглядывался в черты лица человека подле себя, после чего улыбнулся, наклонился и поцеловал уголок рта возлюбленного.

Ши Цинчжоу лениво моргнул и приоткрыл рот:

— А?

Император взялся за ладонь генеральского сына и приложил ее к своей груди.

— Что-то случилось? — моргнула императрица.

— Я хочу, чтобы ты почувствовал биение моего сердца, — ласково прошептал мужчина.

— Хм? — Ши Цинчжоу с удивлением посмотрел на супруга. — На этот счет есть какая-то поговорка?

Лун Сяююань покачал головой:

— Нет, просто мне захотелось, чтобы ты его почувствовал.

Ши Цинчжоу прислушался и аккуратно приложил ладонь к груди возлюбленного. Мгновение спустя его губы растянулись в легкой улыбке:

— Очень сильное.

Монарх тоже улыбнулся и кивнул. В прошлой жизни он родился с больным сердцем и с детства примерил на себя участь баночки с лекарствами. Кроме того, ему приходилось следить за своей активностью и эмоциями. И чем старше он становился, тем больше чувств пробуждалось в душе молодого человека. И усмирять приходилось не только горе и радость, но и много чего другого.

На протяжении многих лет, просыпаясь, Лун Сяююань здоровался только с больничным потолком. Он же был последним, что видел молодой человек перед сном. В палате несчастный проводил больше времени, чем в родном доме. И каждый день мечтал о том, чтобы его состояние улучшилось. Каждую ночь засыпал с мольбой о здоровом сердце. Жаль, но небо так и не прислушалось к его желанию, по крайней мере, не так, как он того желал.

Лун Сяююань прожил на десять лет дольше, чем ему прогнозировали врачи. Однако финал все равно стался печальным.

Молодой человек всегда жалел о своей участи рождения с больным сердцем. Жалел, что в его груди не бьется сильный, крепкий мотор. Теперь же, появившись в новом мире, новом теле, Сяююань получил то, о чем так долго мечтал. И мог с уверенностью сказать — он счастлив.

Иногда, проводя ночи в одиночестве, Сяюань открывает глаза и кладет ладонь на грудь, чтобы почувствовать собственное сердце, почувствовать, как оно уверенно бьется, почувствовать, что он все еще жив и по-настоящему здоров.

Сейчас, позволив возлюбленному прикоснуться к своей груди, Сяюань надеется, что Цинчжоу почувствует ту же, что и он сам, радость. Быть живым и здоровым так приятно. Что может быть важнее этого?

Именно в этот трогательный, семейный момент кое-кто постучался в дверь и разрушил всю атмосферу.

— Ши-дагэ, ты здесь? — раздался голос Сюй Ю. — Можно войти?

Счастье превратилось в уныние. Неужели Сюй Ю не знает выражения третий лишний? Ох, эта вынужденная поездка все больше и больше раздражала императора. Однако сколь бы монарху ни хотелось остаться наедине с супругом, сейчас у них в самом деле много дел, отгородиться от которых нет никакой возможности.

Вздохнув, Лун Сяюань приподнялся и выкрикнул:

— Подожди немного.

— А? — удивился паренек за дверью. Весь прошлый день Сюй Ю просидел в комнате, поэтому не знал о приезде старшего брата.

Лун Сяюань поднялся, умылся, медленно, со знанием дела оделся. Ши Цинчжоу поступил так же. И только когда утренний туалет господ завершился, Лун Сяюань открыл дверь. Сюй Ю, едва не сбив его с ног, влетел в комнату с открытым ртом:

— Старший брат, когда ты успел приехать?

— Зачем тебе точная дата? Ведешь подсчет населения в городе? — искоса посмотрев на юного друга, усмехнулся император.

— Старший... — шире раскрыл рот Сюй Ю.

Лун Сяюань сделал шаг к парнишке и внимательно того оглядел:

— Смотрю, ты ни капли не похудел, видимо, не так уж сильно переживаешь о возлюбленном.

Улыбка моментом сошла с лица бывшего жителя Тяньинь:

— О чем это ты говоришь?!

— Я просто сказал правду, — пожал плечами правитель.

Ши Цинчжоу, видя, что супруг просто дразнит ребенка, едва заметно улыбнулся:

— Что ты такое говоришь?

— Вот именно! — возмущенный до глубины души, подросток спрятался за императрицей и пожаловался на старшего. — Ши-дагэ, тебе придется лучше контролировать старшего брата. Он не должен так говорить!

Генеральский сын, сложив руки на груди, с самым серьезным выражением лица, на которое был способен, посмотрел на супруга:

— Слышал, ты не можешь так говорить.

— Верно! — чувствуя поддержку, энергично кивнул Сюй Ю.

Лун Сяюань изогнул бровь.

Пошутив и посмеявшись, Ши Цинчжоу обернулся к юноше:

— Почему ты пришел так рано?

— Пришел спросить о ситуации за стенами форта, — честно признался парнишка.

— Не волнуйся, — серьезно кивнул воин. — Мы уже знаем точное расположение Фан Шояна, остальное вопрос времени и наших шагов. Спешить не стоит, да нам и некуда.

Сюй Ю шумно вздохнул:

— Я все понимаю, но... Ши-дагэ, могу я спросить, когда вы думаете его спасти?

— Пока не решил, — покачал головой Цинчжоу. — До прояснения ситуации в форте мы не будем его вызволять. Яд тигра не убьет сына. Если бы Фан Цюхуа в самом деле собирался с ним расправиться, то не стал бы запирать. Если он жив до сих пор, то будет жить и дальше. Однако его сломанная нога вызывает опасения. Мы найдем способ его осмотреть и вылечить.

— То есть, мы можем отыскать способ не только туда проникнуть, но и вылечить ногу на месте? — воодушевился Сюй Ю.

— Мы должны попробовать, иначе, боюсь, лечение уже не поможет.

За робкой улыбкой парнишки скрывалось неподдельное беспокойство:

— Охрана форта не просто так есть свой рис, не станет ли проблемой провести в застенки незнакомого с боевыми искусствами лекаря?

— Не переживай, мы будем внимательны, — старался успокоить юного друга Цинчжоу.

— Сейчас Фан Шоян не представляет для нас большой ценности, — потер подбородок Сяюань, — потому как ему неизвестны дела форта. Сперва мы должны во всем разобраться, получить сведения.

Сюй Ю невесело, но понимающе кивнул. И не стал задерживаться во временных покоях императорской четы. Супруги спокойно позавтракали, после чего приняли отчет теневой стражи о делах на горе Феникс. Обученным воинам удалось раскрыть страшный секрет возвышенности.

Как оказалось, за последние несколько лет дельцы форта изрыли пространство горы, сделав в ней огромный искусственный грот, где тайно разводили лошадей и обучали солдат! Ни монарх, ни императрица еще какое-то время не могли поверить в услышанное.

По словам исследовавших гору теневых стражей, становилось понятно, что тайная армия успела разрастись. И сейчас в горе живут порядка трех тысяч породистых, обученных

лошадей, и около пяти тысяч подготовленных к бою солдат!

Прямо рядом с ними, под горой живет пять тысяч готовых к бою мужчин! Так много воинов! Если армию направляет правильный генерал, на что она способна?

Выслушав доклад стража, Лун Сяюань и Ши Цинчжоу погрузились в тяжелое задумчивое молчание. Верные подчиненные доложили им обо всем, что смогли увидеть. Однако подобраться близко и выведать все подробности не смогли даже они. Все-таки под горой слишком много, обученных по канонам цзянху воинов. Стражей могли обнаружить. Предупреди змею и она станет бдительнее. А этого в их ситуации допускать нельзя.

Фан Цюхуа не должен их заменить. Не должен ни о чем узнать!

Предвидя эту проблему, теневые стражи вели себя наиболее осторожно.

Лун Сяюань отпустил верного воина отдыхать, а сам посмотрел в окно. Выглядел он собранным, как никогда серьезным. Цинчжоу тоже глубоко задумался.

— Не думал, что форт Тяньинь окажется настолько смелым, — прошептала императрица.

— Верно... — взгляд монарха приобрел несвойственную нраву суровость. — Очень смело для них самих. Черт, да как они посмели?!

Цинчжоу, поджав губы, шумно вздохнул:

— Хорошо, что мы заранее раскрыли их заговор и понимаем ситуацию, иначе, нападение произошло бы внезапно. Тогда, кто знает, сколько бы империи пришлось понести потерь: сколько людей умерло бы, пострадало. Это могло стать большой проблемой.

— Хм... — Лун Сяюань еще с несколько минут выглядел мрачным, но, все обдумав, взял себя в руки и улыбнулся воину. — Благодаря твоей находчивости, мы сумели раскрыть тайну горы Феникса. А иначе как бы мы вообще узнали о заговоре.

Генеральский сын улыбнулся.

— Теперь нам ясна суть Фан Цюхуа и его форта Тяньинь, — все еще хмурился император, беря возлюбленного за руку. — И все-таки мне не понять, чем руководствовались люди, когда решили пойти против императорского двора.

— Люди цзянху не всегда довольствуются тем, что имеют реки и озера. — Мягко напомнил Цинчжоу.

— Он не боится показать себя, но мог бы сделать это как достойный человек, мог реализовать свои амбиции на благо империи, а вместо этого занимается такими вот вещами. Это ведь настоящее преступление, которое грозит смертью не только ему, но и всем его родным. Не понимаю, что происходит в его голове.

Ши Цинчжоу положил руку на плечо возлюбленного, в надежде немного того успокоить:

— Может быть, он мыслит иными, отличными от понимания нормальных людей, категориями. Может быть, он сумасшедший.

— Хах... — оскалился мужчина. — Похоже, все-таки я не так хорош в роли императора, раз столько людей пытается занять сию должность.

— Не говори так, — нахмурилась императрица.

Сяююань перевел на воина взгляда и улыбнулся:

— Ты был бы куда лучше меня.

— Да будет тебе! — удивленно моргнул молодой человек. — Что во мне хорошего?

Монарх покачал головой:

— Что хорошего?.. Мой Цинчжоу хорош во стольких вещах, что мне придется долго их перечислять.

— Бедный твой рот, — рассмеялся генеральский сын.

Они еще какое-то время обсуждали сложившуюся ситуацию, после чего Лун Сяююань в самом деле сумел примириться с происходящим и взять себя в руки. В обеденное время супруги тайно отправились в местный правительственный двор, где их принял судья Ван.

Изначально глава уезда получил от Ши Цинчжоу указание посодействовать в поисках на горе Феникса, поэтому знал, что императрица в городе и от правительственного чиновника требуется проявить бдительность. Однако судья не знал, что в город прибыл и император.

Лун Сяююань и Ши Цинчжоу прибыли в правительственный двор в искусных масках из человеческой кожи. Узнать последнего глава уезда смог только по табличке удостоверяющей личность.

— Господин Ван, — разговор принципиально вел Цинчжоу, — на этот раз я прибыл к вам, чтобы сообщить некоторые новости о форте Тяньинь. Я и императорский двор нуждается в вашей лояльности.

— Прощу, Ваша Светлость, приказывайте!

Ши Цинчжоу подробно рассказал чиновнику обо всем, что тому следовало знать, а также озвучил несколько просьб. Со своей стороны глава уезда пообещал исполнить все в точности, как сказано и с миром отпустил важных гостей.

Уже на улицах города, не спеша, прогуливаясь меж лавок, Ши Цинчжоу сказал:

— Под горой слишком много солдат и лошадей, мне придется уехать к ближайшей заставе и одолжить армию.

Немного подумав, вздыхая, Сяююань кивнул:

— Я не против, просто мне жаль так скоро с тобой расставаться. Я ведь только приехал и вот нам снова пора прощаться. Это неприятно. Да и как только мы решим вопрос с фортом, что был здесь гарантом безопасности, люди начнут говорить обо мне как о тиране.

— Как можно, защищая свой народ и страну, прослыть тираном? — едва заметно улыбнулся молодой человек.

Взгляд Луна Сяююаня немного прояснился:

— Значит, по идее, меня не должны считать таковым?..

— Естественно, не должны, — категорично заявил воин.

Даже если Цинчжоу неправ, достаточно и того, что он так считает. Волнения о репутации отошли на дальний план, император немного успокоился. Вдвоем с Цинчжоу он предпочел пообедать вонтонами в одной из лавок города, после чего попрощался с возлюбленным. Генеральский сын и сам не хотел покидать супруга так скоро, но иного выхода не было. Дела государства сейчас превыше личных желаний.

После прощания Лун Сяюань вернулся на постоянный двор и получил переданное с голубем письмо. В последние дни он не появлялся на публике и, хотя прошения кем-то обрабатывались, чиновники и прочие жители дворца начали кое-что подозревать.

Что же? Конечно же, отсутствие Сяюаня в столице!

Цинчжоу люди и вовсе не видели со временем первого нападения, а император пропал после второго. Жители запретного города начали догадываться об отсутствии императорской четы. Но одно дело подозревать, другое пользоваться ситуацией.

В гареме, все, кроме наложниц Шань и Жу, пытались принести монарху лично ими сваренный тонизирующий суп. Пытались позаботиться об императоре и заработать его благосклонность. Однако ни одну из них не пустили на порог дворца, что, конечно же, породило немало слухов. В конце концов, эти женщины не так глупы, как хотят казаться.

Кроме них о встрече с монархом просило и несколько чиновников. Каждый пытался использовать в качестве предлога свою причину, но итог у всех один, император никого не принял. Отчасти поэтому слухи приобрели размеры неутраченного шторма. Особенно сейчас, когда под предлогом ранения руки, правитель не появлялся на утренних заседаниях.

Придворные, хоть и получая ответы на свои прошения, начинали шептаться. Особенно это касалось представителей различных, пытающихся разобраться в ситуации, министерств.

Прочитав донесение, Лун Сяюань фыркнул и рассмеялся. Сложив записку, он поднес пергамент к огоньку свечи, с некоторым удовольствием наблюдая за сокрытием переписки.

Вечером того же дня ужин императора пришел скрасить Сюй Ю.

— А? Где брат Ши? Почему его тут нет? — юноша оглядел комнату и, не заметив никого кроме императора, озвучил свой вопрос.

— Уехал по делам и будет отсутствовать еще несколько дней.

— Так он не в городе?..

— Зачем ты его ищешь? — изогнул бровь Сяюань.

— Я его не ищу, — покачал головой парнишка. — Просто спросил.

Монарх с пару мгновений смотрел на поникшего юношу, прежде чем сообщить:

— Мы смогли найти хорошего лекаря. Скоро теневые стражи проведут его в форт. Он смотрит ногу Фан Шояна.

— Правда? — воодушевился парень. — Могут ли возникнуть проблемы?

— Случиться может всякое, но нам никто не мешает попробовать. Не волнуйся, стражи не станут лгать или кого-то заставлять. Если Фан Шоян не захочет лечиться или уходить, мы ничего не сможем с этим поделать.

— Уходить? Постой, разве не ты говорил, что сперва нужно все выяснить? Фан Шоян ведь ничего не знает, — Суй Ю, хоть и волновался о возлюбленном, но прекрасно понимал, в насколько сложную ситуацию они угодили, поэтому ставил потребности страны выше своих.

— Вот ведь идиот, — рассмеялся император. — Я тебе говорю, что возможно мы сможем освободить твоего ненаглядного, а ты все равно недоволен?

— Просто я волнуюсь не только за него, — почесал затылок юноша.

Глядя на этого чистого помыслами и сердцем подростка, Лун Сяюань потерял дар речи:

— Ладно, оставим это и поедим.

— Угу.

Этой ночью Сяюань спал один на большой кровати и чувствовал себя не в своей тарелке. Он и сам поразился разнице качества сна всего из-за наличия или отсутствия одного человека.

Мужчина вертелся, не в состоянии отыскать удобной позы, и задремал лишь во второй половине ночи. Но и здесь не стало все гладко, император быстро проснулся из-за дико реалистичного кошмара. Он подскочил на кровати, обнаружив себе полностью пропотевшим, липким, едва не плачущим.

Сяюань и сам не знал причины, но на сердце было беспокойно.

— Эй, кто-нибудь, — выкрикнул монарх, когда немного отдышался.

Вскоре в комнате, почти из воздуха появился теневой страж:

— Приветствую Ваше Величество.

— Вставай, ты знаешь, где сейчас Ее Светлость? — ощущение грядущего бедствия тревожило мужчину. Понимая, что так взволновать его мог только супруг, первым делом правитель решил осведомиться о делах уехавшего.

— Если говорить о времени, то сейчас Ее Светлость должен был прибыть в Сунчжоу.

Цинчжоу оправился туда, дабы одолжить армию. Застава не так далеко, скоро должны прибыть новости. Однако без них что-то не позволяло Сяюаню успокоиться:

— Есть ли какие-нибудь новости?

— Нет.

Лун Сяюань, поджав уголки губ, немного подумал и махнул рукой:

— Хорошо, можешь идти.

Страж испарился, а Лун Сяюань поднялся и выпил чашу воды, после чего снова лег, но на этот раз не смог даже задремать. Повалившись еще какое-то время, император, зная, что его

слышат, отдал приказ в пустоту:

— Как только кто-либо вернется из форта Тяньинь, пусть сразу идет отчитываться ко мне.

— Есть!

Больше ничего не говоря, император все же закрыл глаза. Уже не грезя сном, он просто давал отдых глазам и телу, разум же оставался ясным. Лун Сяюань подозревал, что будущей ночью ему тоже не удастся поспать.

Ши Цинчжоу...

Раз за разом мысленно произнося это имя, словно молитву, Лун Сяюань не думал, что когда-нибудь так сильно в кого-то влюбится. А когда это все же случилось, обнаружил, что у чувства есть вкус. Неплохой, отчасти томительно-приятный.

Сяюань надеется, что когда бури улягутся, они с Цинчжоу больше никогда не расстанутся.

<http://bllate.org/book/14215/1253526>